

советскую страну — страну первооткрывателей космических путей («Мать и космос» Ивана Бурина, «Новая звезда» Асена Босева).

Составители сборника сосредоточили внимание на стихотворениях и рассказах об Октябрьской революции, рисующих духовный облик современного человека, рисующих изменения, происшедшие в его жизни и психике. Наиболее показательны в этом смысле рассказы «Жара» Стояна Ц. Даскалова и «Сердце бьется для людей» Йордана Радичкова.

Естественно, что в таких произведениях немалую роль играет образ коммуниста: ведь речь идет о духовной перестройке человека под воздействием идей коммунизма. И мы можем проследить эволюцию нашего героя от рабочего с неосознанной, стихийной классовой приверженностью до современного руководителя, вооруженного всеми знаниями законов развития общества, открытыми марксистско-ленинской наукой.

В сборнике много стихотворений о Ленине, есть произведения, посвященные вождям болгарского рабочего движения Димитру Благоеву и Георгию Димитрову («В продымленном шахтерском городе» Ангела Каралийчева и «Курьер» Серафима Северняка). Многие рассказы сборника говорят о трудовых буднях Болгарии, о великой работе по преобразованию родины, о строительстве новой жизни.

О чем бы ни рассказывали произведения, составляющие сборник, они все пронизаны любовью к советским людям, к советской стране.

Отобрав для сборника 55 стихотворений и 38 рассказов (88 авторов), составители сумели соединить под одной обложкой лучшие произведения болгарской литературы, посвященные Октябрю, и в то же время избежать — почти неизбежных в подобных случаях — повторов тематически близкого материала. Бесспорно, что составительская

работа для Владимира Голева, Камена Калчева, Йордана Радичкова и Здравко Среброва являлась не только почетной обязанностью, но и делом любящих сердец. Иногда, правда, не находя в сборнике некоторых известных имен (например, Крума Кюлякова, Асена Разцветникова, Алеко Пламенова, Добри Жотева), испытываешь огорчение, однако понимаешь, что какие-то пробелы в такой обширной работе неизбежны. Жаль, что нет в сборнике «Молитвы к революции» Веселина Ханчева, «Октября» Богомила Райнова, «Октября» Николы Фурнаджиева и др. Впрочем, все это ни в коей мере не может умалять того значения, которое будет иметь сборник для знакомства советских читателей с болгарскими стихами и рассказами, посвященными Октябрю.

Из уже имеющихся переводов для сборника были выбраны лучшие, большинство же вошедших в него произведений переводилось впервые, причем были привлечены переводчики, уже зарекомендовавшие себя работами над болгарскими текстами.

Читатели журнала «Иностранная литература» уже знают о трех сборниках, посвященных Октябрьской революции, которые были выпущены нашими болгарскими друзьями в Софии. (См. статью болгарского критика Ивана Ружа в № 3 журнала за 1968 год.) Думается, что, как и эти книги, сборник, выпущенный издательством «Прогресс» и являющийся совместной работой болгарских и советских литераторов, внесет свой вклад в укрепление и развитие связей между советской и болгарской литературами.

А. ОПУЛЬСКИЙ

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

Джакомо Леопарди. Лирика. Переводы с итальянского Анны Ахматовой и Анатолия Наймана. Предисловие и примечания Н. Томашевского. Москва, «Художественная литература», 1967. 130 стр.

Первые, во многом еще ученические, канцоны «К Италии» и «К памятнику Данте» Леопарди посвятил Винченцо Монти. Приблизительно тогда же (канцоны были изданы в 1819 году) или несколько позже поэт писал в своем дневнике «Zibaldone di pensieri» (буквально: «Смесь мыслей»): «...нет больше Гомера, Данте, Ариосто; короче говоря, Парини и Монти прекрасные поэты, но они лишены каких бы то ни было недостатков».

О недостатках самого Леопарди как поэта в течение многих лет говорилось больше, быть может, чем о его достоинствах. В русской критике за ним однажды и надолго утвердилось звание «отрицателя жизни и певца смерти»; в одной из двух, если не

ошибаюсь, монографий, посвященных поэту в России (М. Ватсон. Джакомо Леопарди. Критико-биографический очерк. С.-Петербург, 1908). черным по белому написано: «...Леопарди не был и не может быть очень популярным (где? в Италии? в России? — Е. С.) уже по самой сути своего беспроблемного пессимизма. Не был он также и истолкователем национальных чувств своего народа, и немало найдется писателей и более симпатичных, и более близких нам, чем Леопарди».

Насколько симпатичен и близок им Леопарди, читатели нашей страны смогут судить теперь не по такого рода сентенциям, не понаслышке, не по устаревшим переводам, а по образцам лирики поэта, в мир которой их вводит серьезная, талантливо написанная вступительная статья Н. Томашевского, справедливо завершающего анализ поэтики Леопарди следующим образом: «Сейчас вовсе не важно, романтиком ли был Леопарди или классиком. Важно, что поэзия его пережила все литературные распри. Сегодня на один из самых читаемых итальянских поэтов».

Биография Леопарди не богата эффектными событиями. Из тридцати девяти лет жизни почти тридцать лет он провел в ненавистном ему городке Реканати, где, кроме книг из отцовской библиотеки, у него не было друзей и единомышленников. Разногласия с отцом, человеком крайне консервативным, натянутые отношения с матерью, неудовлетворенная жажда любви — все это не могло не сказаться на мироощущении будущего поэта. Ранняя инвалидность — результат утомительных бдений над книгами и манускриптами — усугубила душевные страдания Леопарди, не способствовала становлению деятельного характера.

В канцоне «К Анджемо Май» (1820 год), приветствуя открывателя рукописей Цицерона, Марка Аврелия, Симмаха и других древних авторов, Леопарди перебирает — начиная с Данте и кончая Альфьери — имена своих великих соотечественников: «живые спят», и поэт, призывая Анджемо Май «воскрешать мертвых», и сам воскрешает их. В пору работы над патриотическими канцонами Леопарди искренне верит в действительность поэзии, но, не видя желанных изменений в жизни Италии, «госпожи», низведенной до положения «служанки», и ничего или почти ничего не зная о тех, кто активно борется за такие изменения (например, о карбонариях), он теряет со временем веру в возможность добиться чего-либо и избранным им «мирным путем».

Между 1822—1828 годами Леопарди почти не пишет стихов. Но он по-прежнему не расстается со своим дневником, где с набросками будущих стихотворений соседствуют философские рассуждения о природе зла, о превращениях человеческой судьбы, где мысли о литературе чередуются с сугубо дневниковыми записями. В «Моральных сочинениях», изданных в 1827 году, Леопарди предстает перед читателями автором с уже сложившимися философскими воззре-

ниями — тем самым теоретиком «мирового зла и страдания», который мешал многим биографам писателя стать подлинными исследователями его литературного наследия, мешал им оценить, в частности, и «Моральные сочинения» — один из самых высоких образцов итальянской прозы, художественными достоинствами которого восхищались Мандзони и Томмазо.

Ни занятия философией, ни текстологические изыскания, ни переводы, ни отроческая «История астрономии», ни филологические работы не принесли Леопарди той славы, которую дали ему два прижизненных издания «Песен». Поэзия Леопарди потому и не умирает с годами, что поэзия эта — исповедь души, одинаково чутко реагирующей на внутренние и на внешние «раздражители», души одинокой и неприкаянной, подкупающей своей искренностью, одержимостью, ранимостью, в которой нет, однако, ничего от ушербности.

Нового, русского Леопарди (последний раз его стихи выходили в нашей стране отдельным изданием в 1908 году) на родине поэта ждали с неменьшим нетерпением, чем у нас: несколько лет назад А. Ахматова, говоря о своих творческих планах при вручении ей в Италии литературной премии «Этна—Таормина», сказала, что она будет переводчиком «Песен». И вот они зазвучали по-русски, эти песни, зазвучали по-ахматовски лирично, божественно, как сказали бы итальянцы, издревле сопровождающие имена и творения лучших своих поэтов эпитетом «божественный»:

И ты еще ни разу не могла
Себе представить то, что ты сама
Внушала мне, Аспазия. Не знаешь
Безмерности любви, ужасных мук,
Порывов несказанных тщетных грез,
Тобой во мне зажженных. И вовеки
Не поняла б ты это. Точно так
Не знает музыкант, что он рукой
Иль голосом волшебным вызывает
Во внемлющих ему...

(«Аспазия»)

Патриотические канцоны Леопарди представлены в книге канцоной «К Италии», стихотворением, которое особенно ценил Мандзони. Переводя «К Италии», Ахматова прежде всего должна была решить для себя проблему передачи сложной, искусственно звучащей по-русски формы итальянской канцоны:

O patria mia, vedo le mura e gli archi
e le colonne e i simulacri e l'erme
torri degli avi nostri,
ma la gloria non vedo,
non vedo il lauro e il ferro ond'eran carichi
i nostri padri antichi. Or fatta inerme,
nuda la fronte e nudo il petto mostri.

Несколько изменив строфику оригинала, сблизив рифмы, подчас разделенные в подлиннике барьером из трех стихов, Ахматова воспроизвела торжественно приподнятую тональность итальянского текста, но при

СРЕДИ КНИГ

этом сделала его чуть раскованнее, отчего автор, заговоривший по-русски, не обрусел, как не обрусел он и в переводе стихотворения 1833 года «К себе самому», где итальянскому размеру, близкому к ямбическому (Or poserai per sempre, stanco mio suor. Perf l'inganno estremo...), переводчица предпочла разнократный амфибрахий, подсказанный ей всем горестным ладом этого небольшого сочинения, которое хочется привести полностью как образец глубокого проникновения в мир чувств поэта, умершего в один год с Пушкиным:

Теперь ты умолкнешь навеки,
Усталое сердце. Исчез тот последний
Что мнил я мне вечным. Исчез. Я в ^{обман.}
Напрасны. Земля недостойна ^{раздумиях ясных}
И вздоха. Вся жизнь — ^{прекрасных.}
Лишь горечь и скука. Трасина — весь ^{мир.}
Отныне наступит покой. Пусть тебя ^{наполняют}
Мученья последние. Нашему роду ^{отныне.}
Судьба умереть лишь дает. Презираю
Природа, тебя — торжество
Таинственных сил, что лишь гибель ^{всему предлагают.}
И вечную тщетность всего.

Русский «дубляж» «Палинодии», в котором сатирические стрелы Леопарди ни в какой степени не утратили остроты и точности полета, показывает, насколько полным было перевоплощение Ахматовой в пору работы над «Песнями». Поэтическая речь воспроизведена здесь в ее свободной первоизданности, и читатель верит каждому слову, каждой инверсии, верит всему, как будто нет посредника между ним и автором, формулирующим, например, свое отношение к газетам:

Средь движущихся чашек, среди ложек
Мелькающих блеснул моим глазам
Недолговечный свет газеты. Тотчас
Мне стало ясно общее довольство

Джакомо
Леопарди

И радость жизни смертного. Я понял
Смысл высший и значение земных
Вещей. Узнал, что путь людей усыпан
Цветами, что ничто не досаждают
Нам и ничто не огорчает нас
Здесь на земле...

Ахматова перевела двенадцать песен — ровно половину (по названиям) того, что составило книгу. И можно только позавидовать А. Найману, переводчику другой половины сборника, имевшему возможность выверять каждый собственный шаг по свободной поступи своего старшего товарища и соавтора. А. Найман не пренебрег этой счастливой возможностью: он безоговорочно принял ахматовскую форму канцоны Леопарди, он равнялся на переводы Ахматовой при выборе русских эквивалентов лексики Леопарди. И если А. Найману в чем-то не повезло, так это в том, что, в отличие от Ахматовой, он не читал, не мог прочесть Леопарди по-итальянски и в ряде случаев его ввел в заблуждение, скорее всего, подстрочник (в стихотворении «Вечер праздничного дня» А. Найман, например, заставляет поэта «опустить крылья», тогда как речь идет не об опущенных крыльях, а всего-навсего о мятой подушке («premea le rieme»); в «Уединенной жизни» Леопарди говорит о природе, когда-то (un giorno) более милостивой к нему, а переводчик как бы заменяет неопределенный артикль перед словом «giorno» на определенный и это «когда-то», «некогда», «однажды» превращает в «день», то есть во время суток).

Жаль, что в книге нет лучшей из патристических канцон Леопарди «К Анджело Ман», что нет в ней «Брута-младшего»... Впрочем, теперь, когда начало положено, выход у нас «Песен» в полном виде дело уже, очевидно, не столь далекого будущего.

Приятно отметить появление в Италии первых отзывов на новое русское издание Леопарди — сообщение В. Бранка в «Коррьере делла сера» о выходе книги и обстоятельную рецензию на нее известного специалиста по русской и советской литературе Э. Ло Гатто в «Стампе».

Уже после смерти Ахматовой мне довелось передать Ло Гатто, с которым Анна Андреевна была дружна на протяжении более тридцати лет, ее последнюю книгу стихов с автографом, сделанным в больнице за несколько дней до смерти. И я хочу закончить эту рецензию как бы ответным даром Э. Ло Гатто — его высокой оценкой одной из последних работ Ахматовой, ее перевода лирики Леопарди: «Совершенство формы, достоверность тона у Ахматовой абсолютны, и достойная похвалы заслуга Наймана в том, что он сумел удержаться на этом высоком уровне. Итальянскому читателю, знающему русский язык, радостно вновь прочувствовать духовную и поэтическую гармонию Леопарди в этих стихах, о которых русский читатель едва ли скажет, что они — плод усилий переводчиков».

ЕВГЕНИЙ СОЛОНОВИЧ